Однажды зимним вечером мне захотелось пить, и я спустился вниз за водой. Тогда я был слишком мал, чтобы дотянуться до термоса, и попросил одну из уборщиц налить мне стакан воды. Когда старших не было рядом, они вели себя довольно нагло, особенно те, кто любил наблюдать за реакцией других. Семья Сюй не уважала меня, и слуги тоже относились ко мне с пренебрежением.

Когда она подавала мне воду, стакан выскользнул из ее рук, упал на пол и разбился, обдав мои ноги кипятком. Кожа сразу покраснела. Но внизу больше никого не было, и уборщица сказала, что ее дети тоже часто обжигаются, и если намазать зубную пасту, то все пройдет. Она попросила меня никому не рассказывать, чтобы не создавать проблем. Мне было больно и страшно, я побежал в свою комнату, намазал пасту на ожог, но боль была настолько сильной, что я чуть не потерял сознание, и мне пришлось сдерживать слезы, продолжая мазать.

На следующее утро за завтраком Сюй Юйчэн вдруг схватил меня за руку и спросил, что случилось. Зимняя одежда была толстой, но он заметил, как я сдерживаю боль, и понял, что я где-то поранился. После этого случая в доме Сюй уволили ту уборщицу, и остальные слуги больше не смели относиться ко мне с пренебрежением. Я наконец получил отношение, подобающее молодому господину семьи Сюй.

Я помню, что Сюй Юйчэн был добрым старшим братом, помню, как он каждый день тихо спрашивал, не нужно ли мне чего-нибудь, и говорил, чтобы я обращался к нему, если что-то понадобится. Я помню, как он сидел у моей кровати, когда у меня была высокая температура, и читал мне сказку о трех поросятах.

— Сяо Янь, поскорее вырастай, чтобы защищать себя, — говорил он, рассказывая о том, как три поросенка защищались от волка. Хотя сам он был еще мальчиком, его голос был мягким, но уверенным. — А пока я буду защищать тебя, так что не бойся.

— Договорились. — Я горел от жара, и мои слова были невнятными. — Когда я вырасту, я тоже буду защищать брата Юйчэна.

— Договорились. Навеки.

Те нежные заботы, которые он мне дарил, сила, которая помогала мне жить, — я берег их как сокровище, но не мог отплатить.

Только... отдать за него жизнь.

Не жалея.

Ян Чэнь посмотрел на меня некоторое время, затем сжал мое лицо:

— Только не пожалей.

Он сжал так сильно, что я еле мог говорить:

— Больно... черт, не дави так сильно!

— Сюй Цзюньянь, не упрямься. — Он сжал мой подбородок, его холодные узкие глаза, всегда казавшиеся бесстрастными, светились ледяным блеском. — Если ты ради такого человека сядешь в тюрьму, это будет твой собственный выбор, и я тебя спасать не стану.

— Знаю, ты беспокоишься. — Я улыбнулся, думая, что в тот момент, когда он ради выгоды

первым отправит меня за решетку, я едва ли могу рассчитывать на его помощь. Но я уже научился говорить то, что нужно, и Ян Чэнь отпустил меня, его лицо стало чуть мягче:

— Ну, хоть совесть у тебя есть.

Я потер больной подбородок, а Ян Чэнь встал, открыл потайной шкаф в стене и достал два красивых бокала, налив в них Level Vodka. Он протянул мне один:

— Выпей.

Я взял бокал и сделал небольшой глоток. Крепкий алкоголь словно превратился в огонь, горящий в желудке. Хотя я знал, что этот напиток крепкий, все же немного поперхнулся:

— Кхе… Ты не пей слишком много, я не хочу тащить пьяного домой.

— У меня с алкоголем лучше, чем у тебя. — Он стоял у огромного окна, разноцветные огни танцпола смешивались с холодным синим светом декораций, падая на него. Я смотрел на его красивый профиль, в котором чувствовалась странная смесь юношеской дерзости и зрелой уверенности.

Он обернулся ко мне:

— Сюй Цзюньянь.

— Что?

— Тебе не кажется, что это утомительно? Люди вокруг постоянно меняются, играют роли, и однажды это надоест. Трудно найти человека, с которым можно просто поговорить.

Это только для таких, как ты, красавцев с хорошей семьей. У меня, обычного человека, даже нет возможности менять людей, да и множество людей хочет поговорить с тобой, просто ты их не замечаешь. Я пошутил:

— Так что, хочешь найти порядочного человека и жениться?

Он холодно посмотрел на меня:

— Ты всегда быстро находишь слова.

Я смущенно замолчал, а он добавил:

— Иногда я действительно не понимаю тебя… О чем ты думаешь?

— Я думаю о том, как жить счастливее.

Я чувствовал, куда ведет этот разговор. Ян Чэнь в последнее время стал как-то странно внимателен ко мне, и это было трудно не заметить — эта запоздалая нежность была как тупой нож, раз за разом ударяющий по старым шрамам. Я не против быть этим «порядочным» человеком, но думаю, Ян Чэнь, если бы ты действительно осознал, что любишь меня, зачем говорить такие слова, будто ты «снисходишь» до меня. И нет правила, что извинение должно быть принято, особенно когда он говорит что-то вроде «кажется, я тебя обидел, так что прости меня».

— Что сделает тебя счастливее? — спросил он, делая вид, что не придает значения. — Я

помню, ты говорил, что хорошо бы жить вдвоем с собакой...

Я медленно потягивал напиток, и на моем лице появилась улыбка, в дыхании чувствовалась легкая хмельная эйфория и острое удовольствие:

— Нет, сейчас все хорошо, не нужно двоих.

Ян Чэнь долго молчал, смотря на меня сверху вниз:

— Ты только не пожалей.

Зимой в выпускном классе Ян Чэнь накинул на меня свою теплую куртку, в моих ботинках были осколки стекла, он нервно курил и советовал мне не связываться с Сюэ Кэмин, спрашивал, почему я такой глупый и довел себя до такого состояния. Слезы наворачивались на глаза, но я все же отказался от едва уловимой заботы в его словах. Он был в ярости, кричал мне «Ты только не пожалей», пугая отдыхающих на улице птиц. Если бы он хоть шагнул вперед... Если бы он сделал хоть один шаг в мою сторону, это было бы лучше, чем стоять на месте в гневе.

Но он не сделал. Он смотрел, как я ухожу в холодный ветер. Он позволял другим преследовать себя, но сам никогда не делал шага.

Он никогда не менялся.

Некоторые бродяги возвращаются только потому, что не нашли более удобной гавани.

К сожалению, теперь я тоже дрейфующий корабль.

Когда я вернулся домой, было уже поздно, в гостиной горел маленький теплый свет. Андрей снова уснул на диване, и, когда я вешал одежду, небольшой шум разбудил его. Он потянулся, выглядя невинно и чисто:

— Брат... Ммм... Ты вернулся.

Мое сердце растаяло:

— Почему еще не спишь?

— Ждал тебя. — Он естественно протянул руки и обнял меня, говоря медленно. — Я оставил тебе суп. На улице холодно?

Я гладил его мягкие золотистые волосы, и чувство, которого я никогда раньше не испытывал, охватило меня. Вот что такое семья — для тебя горит свет, кто-то ждет тебя с едой, и есть простой, нежный объятие. Андрей в последнее время все больше походил на послушного младшего брата, и мои предубеждения против него уменьшились. Если бы он однажды перестал спать со мной, я бы с радостью заботился о нем как о брате.

— Андрей, хочешь завести собаку? — Я вспомнил о веселом самоеде Ян Чэня. — Дома скучно? Через несколько дней я отведу тебя погулять.

— Собака... — Он поднял лицо, словно размышляя. — Можно.

— Давай заведем сиба-ину, они такие милые. — Я задумался. — Или что-то поменьше? Чтобы можно было держать в руках. Какую породу ты бы хотел?

Он прижался ко мне, и вдруг с совершенно серьезным лицом сказал:

— Гав.

Я рассмеялся, уткнувшись лбом в его, и Андрей, обняв меня, упал на диван, играя со мной. Я был немного пьян, и, держа его лицо в руках, серьезно сказал:

— На самом деле иметь брата — это неплохо. Еще раз скажи?

Он смотрел спокойно, вытирая слезы с моих глаз. Я сказал:

— У нас течет одна кровь, это так странно.

— Только наполовину. — Он серьезно поправил.

— Неважно. — Мой голос почему-то дрожал. — Хорошо иметь семью.

После этого Ян Чэнь перестал со мной связываться, и я, осознав это, начал беспокоиться — если Сюй Юйчэн хотел, чтобы я стал мостом между ним и Ян Чэнем, не повредит ли наш разрыв планам? Иметь эмоциональные разборки с партнером по бизнесу — это сложно, все нужно учитывать. Но я не мог опуститься до того, чтобы униженно просить Ян Чэня помириться, и просто продолжал работать, оставляя этот ком в горле.

http://bllate.org/book/16832/1548450